

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Том 2

под редакцией
Иоанны Мампе и Лады Овчинниковой

Recenzenci

dr hab. Beata Rycielska, prof. US

dr hab. Jana Raclavská

Redakcja

Joanna Mampe

Korekta tekstów w języku angielskim

Karolina Katka

Projekt okładki i stron tytułowych

Andrzej Taranek

Skład i łamanie

Marek Smoliński

Publikacja sfinansowana ze środków Dziekana Wydziału Filologicznego UG
oraz Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UG
w ramach projektu badawczego nr 530F200-D450-14

ISBN 978-83-7865-275-5

Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego
ul. Armii Krajowej 119/121, 81-824 Sopot
tel./fax 58 523 11 37, tel. 725 991 206
e-mail: wydawnictwo@ug.edu.pl

www.wyd.ug.edu.pl

Księgarnia internetowa: www.kiw.ug.edu.pl

SPIS TREŚCI

Słowo Wstępne (<i>Łada Owczinnikowa, Joanna Mampe</i>)	7
Предисловие (<i>Лада Овчинникова, Иоанна Мампе</i>)	11

SOCJOLINGWISTYKA DYSKURSYWNA ДИСКУРСИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Александр Ерохин Трансформации литературного поля в культурном пространстве современной России	19
Лада Овчинникова, Иоанна Мампе Светская жизнь и скрытые смыслы в заголовках гляцевых журналов.	29
Yousef Sh'hadeh Konteksty symboliczne w poezji palestyńskiej na przykładzie utworów Mahmuda Darwisza	40
Жанна Сладкевич Сказочная путиниана в современной карикатуре	56
Татьяна Синявская-Суйковска Что можно узнать о России из женских детективов: культура повседневности и особенности речевого поведения россиян.	76
Małgorzata Wideł-Ignaszczak Rosyjski język religijny proveniencji katolickiej. Uwagi wstępne	92

SOCJOLINGWISTYKA KOMUNIKACYJNA
КОММУНИКАТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Hadrian Lankiewicz

Zmienność jako implikacja metodologiczna dla badań nad akwizycją
języka obcego wynikająca z multikompetencji, translingwalizmu
i metrolingwalizmu 107

Simona Mizerová

K charakteristice genderových diferenciací v kontextu
verbálního chování žen a mužů 122

Анжела Палади, Тивадар Палади

Многоязычие и культурная идентичность внутри
и вне европейского союза: опыт полевой работы
в польско-белорусско-литовско-латышской
приграничной зоне 140

Danuta Stanulewicz

Kaszubszczyzna jako język nauki i edukacji. Opinie młodzieży . . 157

Anna Walencik-Topiłko

Lingwistyczne i społeczne znaczenie głosu 174

Bibliografia 184

Wykaz wykorzystanych rysunków i ilustracji oraz ich źródeł . . . 203

Александр Ерохин

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОЛЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Концепцией «литературного поля» современная социология литературы обязана французскому исследователю Пьеру Бурдьё (1930–2002), создателю оригинального метода социоанализа, который он также плодотворно использовал при изучении культурных, эстетических и литературных феноменов. Бурдьё стремился максимально расширить поле действия социологии как науки, вторгаясь в самые разнообразные области научного исследования, традиционно зарезервированные за гуманитарными науками или «науками о духе». При этом, преодолевая отведенные для классической социологии познавательные границы и занимаясь, в частности, социологией искусства, образования, религии, Бурдьё, в свою очередь, менял представления о социологии, о ее методе и предмете.

В своем интересе к предметным областям гуманитарных наук, изначально чуждым социологии, Бурдьё не обошел вниманием и художественную литературу. Вопросы социологии (или «социоанализа») литературы рассматриваются в ряде его работ: это «Рынок символической продукции»¹; «Чтение, читатели, ученые, литература»²; «Поле литературы»³; «Исторический генезис чистой эстетики»⁴.

¹ Бурдьё П., *Рынок символической продукции*, «Вопросы социологии», 1993, № 1–2, с. 49–62; Там же, 1993, № 5, с. 50–61.

² Бурдьё П., *Чтение, читатели, ученые, литература*, [в:] Бурдьё П., *Начала*, Москва 1994, с. 167–177.

³ Бурдьё П., *Поле литературы*, «Новое литературное обозрение», 2000, № 45, с. 22–87; см. также: Бурдьё П., *Поле литературы*, [в:] Бурдьё П., *Социальное пространство: поля и практики*, Москва Санкт-Петербург 2005, с. 365–472.

⁴ Бурдьё П., *Исторический генезис чистой эстетики*, «Новое литературное обозрение», 2003, № 60, с. 17–29.

Свою концепцию литературного поля, исходящую из неомарксистского постулата политического, экономического и культурного неравенства в обществе позднего капитализма, Бурдьё создавал исключительно на материале французской литературы XIX века. Франция явилась для него классическим примером, иллюстрирующим общие закономерности становления рынка искусства или, иными словами, рынка символической продукции. Французский материал, использованный Бурдьё при разработке теории литературного поля, придает его концепции плодотворную новизну и полемичность, но одновременно ограничивает ее универсальную применимость. При переносе методики Бурдьё необходимо, сохраняя его общие принципы, – такие, как признание конфликтной, неоднородной природы современного общества и особенно его культуры, – учитывать специфические, исторические условия генезиса социокультурных отличий (вкуса, жизненного стиля) в рамках отдельных национальных традиций, в частности, российской.

Методология Бурдьё хорошо известна в российском литературоведении, но к изучению актуальных явлений российской художественной словесности привлекается достаточно редко. Это закономерно ввиду как общей дискредитации социологического метода в литературоведении, так и устойчивости научных традиций формализма и структурализма. Наиболее известные примеры обращения к социоанализу Бурдьё в российском литературоведении – монографии М. Берга⁵, М. Макеева⁶, а также работы Л. Гудкова, Б. Дубина⁷ и С. Зенкина⁸. М. Берг и М. Макеев в большей степени концентрируются на истории русской литературы (М. Берг – на литературе советского периода вплоть до конца 80-х – начала 90-х годов, М. Макеев – на XIX веке) и в меньшей степени – на ее современном состоянии.

⁵ Берг М.Ю., *Литературократия: Проблемы присвоения и перераспределения власти в литературе*, Москва 2000.

⁶ Макеев М.С., *Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики)*, Москва 2009.

⁷ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., *Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы*, Москва 1994.

⁸ Зенкин С.Н., *Работы о теории*, Москва 2012.

игрового характера литературы как иллюзии¹¹, конституирующей автономное художественное поле. Литературная стратегия Пригова опирается еще и на позиции, выработанные в русском интеллектуальном дискурсе исторически – достаточно вспомнить формальную школу в литературоведении и обэриутов, представляющих в русской культуре полюс «ограниченного производства». На мой взгляд, дихотомию «властители дум – манипуляторы», предложенную М. Бергом, следовало бы дополнить бурдьеанской оппозицией «мастеров» и «ремесленников». Тогда российское литературное поле обнаружило бы тенденции развития и функционирования, близкие по характеру описанным Бурдье на примере французской литературы. В частности, появится возможность признать способность и русской литературы накапливать собственный, независимый от иных, гетерономных полей, символический капитал.

Именно на этом строится данная работа – на признании наличия в литературе России и СССР автономного литературного поля, отличного от смежных полей – религии, науки, политики, идеологии и т. д. Бесспорно, что российско-советское поле литературы всегда испытывало мощное давление со стороны доминирующих полей, прежде всего – со стороны поля политики и идеологии. Смена поколений, борьба «традиционалистов» и «новаторов», обязательная для функционирования поля ограниченного производства, была либо затруднена, либо непомерно идеологизирована, то есть подчинена логике внешних полей. «Элитарная» литература в Советской России объявлялась то «реакционным» по своему существу капиталистическим «модернизмом» (это касается, например, издательской судьбы в Советской России классиков западного модернизма – Пруста, Кафки, Джойса и других), то симптомом инфантильной «незрелости» (судьба русского авангарда в 20–30-е годы XX века). В этом смысле российское поле ограниченного литературного производства слишком долго существовало в маргинальном, «богемном» состоянии, не сумев в свое время добиться соответствующих публичных знаков признания и «освящения». Тем не менее, пусть и в сильно деформированном

¹¹ Бурдье П., *Поле литературы*, [в:] Бурдье П., *Социальное пространство: поля и практики*, Москва Санкт-Петербург 2005, с. 400–404.

виде, автономное литературное поле в России функционировало вполне эффективно и обладало способностью аккумулировать значительный символический капитал.

Культурный капитал, необходимый для автономизации литературного поля, накапливался постепенно. Процесс аккумуляции символического капитала в рамках автономного поля литературы начинается как минимум на рубеже XIX и XX веков – особенно в связи с творчеством русских символистов. Впоследствии этот процесс продолжился в деятельности предреволюционных литературных направлений – акмеизма и футуризма, а также писателей-одиночек и различных неофициальных, полуподпольных литературных групп после 1917 года вплоть до развала Советского Союза (от ОБЭРИУ до «лианозовской» группы, СМОГа, московского концептуализма и др.). Особая заслуга в сохранении пространства автономной литературы в Советской России принадлежит Анне Ахматовой и Борису Пастернаку, которые уже фактом своего (умеренного) долгожительства сумели удержать линию преемственности от Серебряного века до шестидесятых годов. Кроме того, Ахматова и Пастернак, обладавшие высоким эстетическим авторитетом, выступили в роли поэтических наставников для многих молодых поэтов. Например, Ахматова «осветила» в последние годы своей жизни авторитет Иосифа Бродского как одного из крупнейших представителей российского поля элитарной литературы.

Неофициальная, «диссидентская» линия, ориентирующая писательские стратегии на принцип «чистого искусства», сформированный уже дореволюционными объединениями, как «декадентскими», так и авангардными, смыкается в своем противостоянии официальной, идеологической программатике с литературой эмиграции. Эмиграция предоставила возможность в буквальном смысле слова, географически, дистанцироваться от «гетерономного» социального заказа советской власти, попутно придав ореол святости и эзотеричности биографиям многих деятелей эмиграции как адептов «чистого искусства». Центральными фигурами здесь можно считать Набокова и того же Бродского.

Подспудная работа поля ограниченного производства дала свои плоды на исходе советского периода российской истории, в семидесятые-восьмидесятые годы. В литературном поле именно

в это время были выстроены мощные неофициальные механизмы производства и потребления элитарной продукции. В силу неуклюжей цензурной политики советского государства интерес читающих масс все больше смещался в сторону «запрещенного» и «дефицитного», включавшего не только беллетристику, но и «серьезную», нередко экспериментальную литературу. Здесь, в этом уникальном «пространстве дефицита», пожалуй, единственный раз в российской истории на равных встретились «агенты» противоположных полей литературного производства – в частности, литераторы и философы Серебряного века, Михаил Булгаков, Валентин Пикуль и Владимир Набоков. Этот список можно расширять и дальше, включая в него отечественных и зарубежных фантастов, западных модернистов и беллетристов разного калибра. Внимание как широкой публики, так и экспертов (критиков, литературоведов, вузовских преподавателей) в эпоху перестройки и в начале 90-х годов все больше смещалось в сторону зарубежной литературы, поскольку именно там, согласно сформировавшейся бурдьеанской «иллюзии», находился полюс свободной, чистой, эзотерической и элитарной художественной продукции.

Позднесоветский черный книжный рынок включал в себя, наряду со спекуляцией, так называемые «самиздат» и «тамиздат». Эти нелегальные формы распространения и потребления литературы по сути подрывали советскую идеологию культурного патронажа и социального заказа, объединив в курьезном «бесцензурном» симбиозе массовое и элитарное художественное производство. Разумеется, это «сожительство» не могло продолжаться долго. В конечном итоге позднесоветское единство массовой и элитарной литературы распалось, с исчезновением «дефицита» и черного книжного рынка, на соответствующие независимые сегменты, причем очевидную выгоду от этого распада получила массовая культурная индустрия постсоветской России, сумевшая в полной мере воспользоваться хабитусом среднего читателя эпохи заката СССР.

Напротив, элитарный сегмент культурного производства можно считать пострадавшей стороной в ходе этого раздела: после триумфа семидесятых и особенно восьмидесятых (эпоха перестройки), поле ограниченного производства вновь оказалось оттесненным на периферию поля литературы. Этот процесс вытеснения шел

достаточно долго: еще в девяностые годы позиции «элитарных» производителей казались прочными, во многом благодаря активной диффамации конкурентов – представителей реалистического, социально-критического и почвенного направлений. В результате на какое-то время был существенно подорван социокультурный статус «капитал», по терминологии Бурдьё) производителей, ориентированных на «неинтеллигентного», рабоче-крестьянского читателя. Интересно при этом, что литературные вкусы российской читающей публики, несмотря на кризис интеллигенции в девяностые годы, по инерции оставались «интеллигентскими», тем самым в основном охраняв прежние ориентиры и предпочтения создателей литературных произведений.

Как наследие позднесоветской литературной ситуации можно рассматривать закрепившийся в восьмидесятые – девяностые годы в рамках поля ограниченного производства специфический союз между извечными противниками – классиками и модернистами. Это сближение старого и нового заметно в творчестве таких авторов, как Андрей Битов и Ольга Седакова. Представители «чистой» элитарной литературы для подкрепления своих амбиций опирались на авторитет русской и мировой классики. При этом им пришлось приспособливать классическую литературу для своих нужд, «освобождая» ее от чуждых, с их точки зрения, элементов социальной, «народничества» и «учительства». Этот пересмотр русской классики XIX века фактически был инициирован Набоковым в его прозе, эссеистике и критике и продолжен «модернистами-неоклассицистами» в восьмидесятые и девяностые годы. Краткосрочное соединение рафинированных форм классической традиции с «чистым» авангардным экспериментом можно квалифицировать как один из вариантов «российского постмодернизма». «Чистота» этого постмодернизма весьма условна – как условна чистота возведенных в абсолют правил игры, составляющих, по Бурдьё, *illusio* поля ограниченного производства.

В первое десятилетие XXI века ситуация в поле русской литературы меняется существенным образом. Эзотерический авторитет чистой эстетики «банализируется», символическая власть элитарных производителей ставится под сомнение. Причины этой очередной смены вех весьма разнообразны. Прежде всего,

к началу XXI века российской интеллигенции пришлось проститься с ролью единственного авторитетного «культурообразующего» класса. Интеллигенция в широком смысле слова перестала быть главным источником нормативного сознания в культуре, ей пришлось расстаться с «жреческими» привилегиями истолкования и канонизации культурных и эстетических фактов.

Утрата интеллигенцией значительной части ее культурного капитала сопровождалась всеобщей утратой доверия к западной культуре. Запад в целом потерял привлекательность для русского общества. Соответственно, поле элитарной художественной продукции, традиционно оцениваемое как «западническое», стало поглощаться как полем массового, коммерческого производства, так и усилившимися конкурентами – представителями идеологически, то есть «гетерономно» окрашенного спектра литературного производства, испытывающего сильное влияние политического, религиозного и этнического полей. «Цеховая эстетика» сдает позиции «новому реализму», «университетские умы» теснятся прежними маргиналами – писателями-выходцами из рабочих семей, переселенцами, иммигрантами, представителями этнических меньшинств. О своих литературных правах заявляют не только слои, обделенные культурным капиталом, но и так называемые «новые русские», выражающие эстетические интересы как зажиточных слоев, так и нового эксплуатируемого класса – «белых воротничков», наемных офисных работников. Бывшая культурная «окраина» начинает обретать свой особый художественный язык. Многие из представителей этой культурной и часто географической периферии непосредственно пережили кризис и распад Советского Союза (А. Волос, М. Елизаров, В. Лорченков и др.). Эмансипация авторов, выражающих интересы лишенных символического капитала слоев российского населения, сопровождается реальным географическим расширением пространства русской литературы. Сегодня литераторы, принадлежащие не только к «традиционным» областям российской эмиграции (США, Израиль, Германия, Франция и др.), но и к русскоязычным диаспорам стран бывшего СССР (Украина, Казахстан, Прибалтика и др.), на равных правах с российскими писателями участвуют в конкурентной борьбе за перераспределение культурного капитала. В этом смысле современная

русская литература вступает на путь усиленной географической и этнической дифференциации, на который несколько раньше встали литературы США, Великобритании, Германии, Франции.

В контексте указанного переопределения отношений власти и доминирования в российском литературном поле не представляется случайным возвращение в литературу тем, образов и стилей советского периода, прежде всего – эстетики «социалистического реализма», как правило, в ее наивном, доступном для массового читателя варианте. Соцреализм воскрешается не только за счет вновь возросшего давления государства на сферу культуры и искусства; здесь, на наш взгляд, гораздо важнее импульс, идущий снизу: сегодня возрождаемый социалистический реализм ощущается скорее как «литература низов», как способ выражения «исключенными» и обездоленными в культурном отношении группами населения своих требований.

Актуализация реалистических и географически «периферийных» форм словесности привела в конце нулевых – начале десятых годов к раскрепощению политического воображения и к развитию «прикладных» форм словесности или литературы «прямого действия». В контексте обоснованной и оправданной постмодерном стихии «ремифологизации» концепт политического стимулирует различные способы политического выражения, в которых игровые формы, как правило, теснейшим образом переплетены с радикальными акциями прямого действия. Эта небезопасная стилистика, тесно сближающая мифологию и политику, по-прежнему заметна сегодня в современной молодежной и контркультурной русской литературе.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день литературное поле России испытывает новую трансформацию, в соответствии с законами социоанализа Бурдьё в очередной раз угрожающую держателям символического капитала. Некоторые тенденции этой «перезагрузки» были обрисованы выше. На данный момент наиболее заметной особенностью современной литературной ситуации в России, на мой взгляд, является очередное отступление поля ограниченного культурного производства. Это отступление, о котором можно только сожалеть, порождено разрывом между социокультурной дифференциацией с одной стороны

и упрощением общих ментальных моделей поведения и познания мира с другой. Современное российское общество отличается большой сложностью, являя собой «клубок» политических, экономических, социокультурных, этнических, поколенческих противоречий. Но реальное многообразие новых и старых социокультурных практик разворачивается сегодня в опустошенной интеллектуальной среде, рефлексия в которой часто сводится к включению первичного механизма разделения «своих» и «чужих» – то есть к исходной, по Карлу Шмитту, функции политического различения, лежащей у истоков политического сознания как такового.

В этом смысле хотелось бы выразить надежду, что указанная тревожная тенденция к натуралистическому упрощению социальной проблематики в современной российской литературе не станет определяющей в ближайшее время и не отбросит российскую культуру на задворки культуры мировой, сменившись новым взрывом творческой энергии.

Abstract:

Transformations of the literary field in the cultural space of contemporary Russia

The theoretical frame of the article is taken from Pierre Bourdieu's socio-analysis introducing a useful method of questioning national literary markets with their specific mechanisms of consecration and suppression that form a specific autonomous literary field. In this context the paper traces the genesis, functioning and transformation of the autonomous literary field in Russia after 1991 focusing on its latest developments. The history of the post-Soviet fiction is viewed in terms of fluctuations of the two subfields of restricted and large-scale production. The producers of both subfields have been struggling since the early 1990s for the redistribution of the cultural capital gained throughout the late Soviet period.

Key words: contemporary Russian literature, Pierre Bourdieu, socio-analysis, literary field, the literary subfield of restricted production, the literary subfield of large-scale production